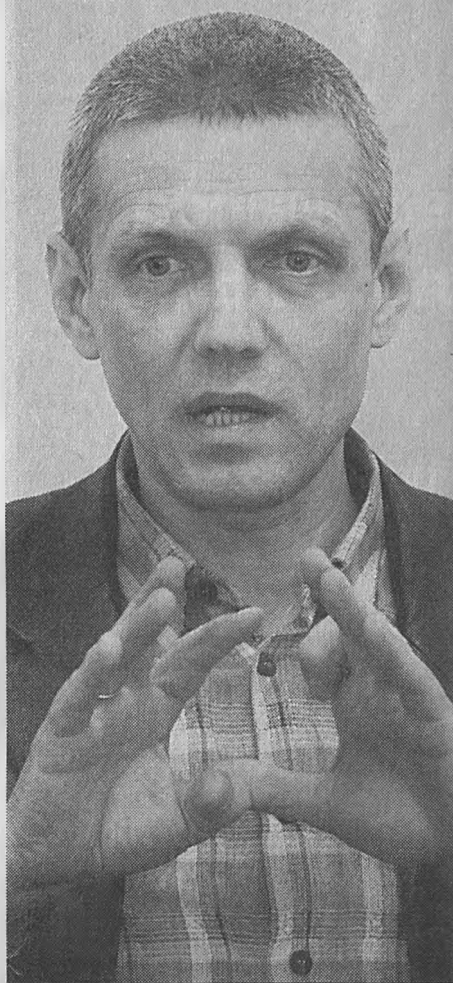

“Я всю жизнь ставлю только о любви”

Александр Галибин — Газете

Александр Галибин: «Не стоит воспринимать «Снегурочку» как обычную детскую сказочку про девочку, которая пришла из леса, полюбила и растаяла»

Фотограф: Никита Инфантьев/Газета

Отсутствие «Снегурочки» в репертуаре Мариинского театра, не без оснований называющего себя «домом Римского-Корсакова», воспринималось до недавнего времени как провал, который необходимо восполнить. Наконец час настал: «Снегурочка» после долгого перерыва обрела новую сценическую жизнь. Перед премьерой с режиссером спектакля Александром Галибиным встретилась Гюляра Садых-заде.

Это не первая ваша работа в театре: пять лет назад вы поставили здесь «Пиковую даму». Мне известно, что после нее вы мечтали поставить именно «Снегурочку». Чем вас привлекла эта опера?

Там в финале Снегурочка произносит прощальную фразу, полную любви и печали: «Последний взгляд — тебе, мой ми-

лый...» Это же просто «Ромео и Джульетта»! Я считаю, что пьеса Островского гениальна, ничуть не хуже Шекспира. А вместе с музыкой Римского-Корсакова слова Островского производят потрясающий эффект. У Римского получилась удивительно гармоничная, светлая опера...

Текст либретто далеко не точно совпадает с текстом пьесы...

Не совпадает, но суть-то остается. Римский-Корсаков ничуть не погрешил против смысла пьесы; напротив, усилил его музыкой.

Что же составляет смысловой стержень постановки? Вы ставите оперу о любви?

Конечно! Я вообще всю жизнь ставлю только о любви. А уж эта опера — прежде всего о любви. В ней Римский проникает очень далеко в ту бездну, что зовут любовью, в самую сердцевину. В область духа. Не стоит воспринимать «Снегурочку» как обычную детскую сказочку про девочку, которая пришла из леса, полюбила и растаяла. В опере скрыт глубокий философский, нравственный и, если хотите, даже сакральный смысл.

«Снегурочка» действительно далеко не проста. Данную в ней оппозицию — любовь Снегурочки к Лелю и любовь Купавы к Мизгирю — может вполне понять лишь зрелый человек.

Да, это очень сильная метафора. Мне в этой связи вспоминаются слова Бердяева о любви-жертве и любви-эросе, то есть чувственной любви. Так вот, в «Снегурочке» мы видим удивительное и редкое сочетание любви-жертвы и любви-эроса. Римский понимает, что это две стороны любви и разделить их невозможно. Любовь, я считаю, — это чувство, благодаря которому живет человек, благодаря которому весь мир существует. Потому-то «Снегурочка» и стоит особняком в творчестве Римского. Он говорил: «Кто не понимает «Снегурочки», тот не понимает меня». Николай Андреевич обладал, видимо, глубоким, чувственным восприятием мира, как он ни старался его скрыть за строгим взглядом, бородой и очками. Да, он выстроил стену между собой и окружающей действительностью, ушел в свой собственный поэтический мир и писал там потрясающую музыку.

Древние архаические ритуалы, мощные языческие пласты — начиная от сцены Масленицы и кончая славением Ярилы — это ведь не декорация, а как раз основной смысл оперы. Как этот слой отражен в спектакле?

Язычество, безусловно, присутствует. В спектакль приглашен балетмейстер, он хорошо знает славянскую обрядовость. Александр Илиев много занимался этой темой. Правда, у нас в театре он работает впервые, но актерам он дает очень много: занимается с ними пластикой, ставит танцы.

Вы работаете в паре с художником Георгием Цыпиным...

Мне нравится работать с Георгием. Нравится его концептуальный подход к спектаклю: тут мы с ним совпадаем. Мне близок и его образ мышления, и те обоб-

щенные формы, в которые выливается замысел. Когда мы в первый раз встретились по поводу «Снегурочки», у нас еще не было никакой идеи. Вообще никакой. Мы сошлись на том, что нам просто нравится эта музыка. Много дней мы посвятили разговорам. Слушали музыку и беседовали: я, он и художница по костюмам Татьяна Ногонова. Встречались с музыковедами, которые занимались Римским-Корсаковым, слушали, что говорят они. Продолжалось это не день, не два, а целый месяц. Несколько раз приезжал из Москвы Георгий — он был там занят на постановке «Огненного ангела». Но общая идея и визуальное решение спектакля родились в самый последний момент.

Вот вам характерный пример того, что на ранних, да и на поздних стадиях постановки просто необходима помощь «драматурга» — литературного консультанта...

Но вся предварительная работа нами была проделана самостоятельно. Мы много читали по теме, смотрели картинки прошлых постановок. И пришли к выводу, что образы оперы не случайны и несут некую символическую нагрузку...

Например?

Например, образ огня. Образ многоцветья, связанный с Масленицей. Все, что касается мудрости и лукавства царя Берендея. Весна — это не просто тетенька, которая пришла в урочный час и подарила людям зеленую травку. Это собирательный образ, воплощение женственности. Весна у нас — это женщина, собравшаяся на маскарад. Она приносит с собою цвет — разноцветье трав и цветов. А до ее появления спектакль монохромный, выдержан в бело-серых тонах. Начиная с Масленицы, народ высыпает на сцену в разноцветных костюмах, покрывает ее всю, как лоскутное одеяло, — и тут появляется многокрасочье. Георгий специально занимался картинами Филонова и очень многое заимствовал у него; в спектакле очень много специфических «филоновских» цветов...

Имеется в виду, конечно же, «Весна» Филонова?

Да, и эта картина, и другие тоже. Это живое лоскутное одеяло покрывает собою карамельную страну. Не ледяную, а именно карамельную. Актеры посмотрели и сразу сказали: «Так это же карамельная страна!»

То есть мы сознательно стремились к тому, чтобы у зрителя возникало ощущение детства. Мы не хотели громоздить на сцене ледяные глыбы, строить ледяное царство, в котором живет какой-то Морозко. И все сцены Мороза с Весной, со Снегурочкой — они очень теплые, семейные. Сцены диалога матери с дочерью, дочери с любящими родителями — очень интимные, лирические. Не то чтобы дедушка с бородой пришел и сказал: «Давай ее отдадим людям, но только ты, дочка, берегись Ярилы-Солнца и не слушай песни Леля».

Думаю, мы разгадали далеко не все символы, которыми насыщена опера. Но нам хотелось, чтобы зритель, пришедший на спектакль, слушал его, смотрел — и все в нем понял. Мы сознательно вы-

страивали ясный и понятный визуальный ряд, чтобы опера как бы «впускала» в себя зрителя.

Ведь первое впечатление от оперы — всегда очень сильное. Зритель получает эстетический шок от музыки, от слов, от действия. И еще мы стремились к тому, чтобы поменять традиционный, клишированный взгляд на оперу, переломить сложившееся представление о «Снегурочке», будто она — продолжение фильма «Морозко». И при этом сделать это мягко, ненавязчиво. Мы не разрушаем смыслы оперы: моя задача — не помешать состояться гениальной музыке, которая жила до меня и прекрасно будет жить после меня.

Сложно ли будет устанавливать декорации? Эта проблема — извечная в Мариинском театре.

Декорации, что говорить, сложные. Георгий постарался, чтобы их было возможно смонтировать за один день, а не за два. Предусмотрены подъемные устройства, связанные с трюками.

Обычно режиссеры драматических театров, сталкиваясь с необходимостью ставить крупные массовые сцены, бьются в некоей растерянности. Ведь в драматическом театре никогда не бывает столько народу на сцене... Я растерянностью никакой не испытывал. Когда знаешь, чего хочешь, и ставишь перед людьми конкретную, ясную задачу, то проблем не возникает. Конечно, сто человек организовать труднее, чем пятерых. Тут нужно уметь увлечь за собой массовку — чтобы каждый ясно понимал, что делает.

Несколько концертных исполнений оперы на фестивальных показах, что в театре есть неплохие составы для нее. Кто будет петь премьеру?

Партию Снегурочки сейчас репетируют Ольга Трифонова и Настя Беляева. Обе — очень хороши. Мне нравится, что в спектакль пришли «академисты» (учащиеся Академии молодых певцов при театре. — Газета). Замечательные ребята, я с большим удовольствием с ними работаю.

газета

почти Романов

Заслуженный артист России Александр Галибин окончил ЛГИТМиК в 1977-м, а режиссерский факультет РАТИ — в 1992-м. До 1979-го работал актером в Театре им. В.Ф. Комиссаржевской, с 1981-го по 1988-й — в студии киноактера при «Ленфильме». Снял в тридцати фильмах, среди которых «Жизнь Клима Самгина», «Джек Восьмеркин — американец», «Оно», «Романовы — венценосная семья». Поставил несколько десятков драматических спектаклей. С 2003-го — главный режиссер Российского государственного академического театра драмы имени Пушкина (Александринский театр).